

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 4	5
Глава 25. ЦВЕТЫ В ЗЕРКАЛЕ, ЛУНА В ВОДЕ	6
Глава 26. ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ	50
Глава 27. ЧУВСТВА ПРОРЫВАЮТСЯ НАРУЖУ	81
Глава 28. НЕ ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ	111
Глава 29. КРОВАВЫЙ ПОЦЕЛУЙ	143
Глава 30. ТЯЖКИЙ ГРЕХ	174
Глава 31. НЕ В СИЛАХ ОТПЛАТИТЬ	200
Глава 32. ТАЙНА СУДЬБЫ	227
ЧАСТЬ 5	255
Глава 33. БОЖЕСТВЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ ДЕСЯТИ СТОРОН СВЕТА	256
Глава 34. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ НЕЧИСТИ	268
Глава 35. ЦВЕТЫ И ЛУНА, НЕБЕСА И ПРОПАСТЬ	289
Глава 36. ЗОЛОТАЯ ЦИКАДА СБРАСЫВАЕТ ОБОЛОЧКУ	305
Глава 37. ДВА ПОЦЕЛУЯ ПРАВДЫ	318
Глава 38. СОВМЕСТНОЕ СЛУШАНИЕ ТРЕХ ДОСТОЧИМЫХ ...	330
Глава 39. ИЗО ВСЕХ СИЛ	357
Глава 40. ОТРАВЛЯЕТ ДУШУ, РАЗЪЕДАЕТ КОСТИ	367

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 6	385
Глава 41. Туманные топи Диких земель	386
Глава 42. Залитая красками бамбуковая роща	397
Глава 43. Правительница зверей	417
Глава 44. Грандиозные планы и великие устремления	433
Глава 45. Испещренная трещинами великая пустыня ...	440
Глава 46. Просить у тигра шкуру	455
Глава 47. Объединение Диких земель	463
Глава 48. Убийство трех тысяч оборотней	472
 ЧАСТЬ 7	 487
Глава 49. Возвращение в шесть миров	488
Глава 50. Ю Жо среди цветущих персиков	527
 ГЛОССАРИЙ	 561
Измерение времени в древнем Китае	562
Измерения длины и веса в древнем Китае	565
Термины	566
Горы совершенствующихся	570

ГЛАВА 25

ЦВЕТЫ В ЗЕРКАЛЕ, ЛУНА В ВОДЕ¹

— Косточка², подгорело! Подгорело! Скорей! — взглянув на блюдо в котелке, закричала Тан Бао и обеспокоенно запрыгала на голове Хуа Цяньгу.

Только теперь девушка опомнилась, торопливо ухватила за край котелка, но кипятком ошпарила себе руку. Бах! — чашки и плошки со звоном полетели на пол. Совсем приунывшая Цяньгу убрала беспорядок и начала все по новой.

Бай Цыхуа сел за стол, попробовал приготовленное ученицей блюдо и долгое время не говорил ни слова.

— Наставник?

— Сяо-Гу, тебя что-то беспокоит?

— Откуда вы узнали, наставник?

— Обычно ты очень сосредоточена, поэтому вкус приготовленных тобой блюд всегда такой, каким и должен быть. Но если твой разум одолевают посторонние мысли, то и вкус блюда получается совсем другим.

¹ «Цветы в зеркале, луна в воде» (кит. 镜花水月) — образное выражение, означающее видимость, иллюзию, несбыточную мечту. (Здесь и далее — прим. пер.)

² Прозвище от последнего слога имени Хуа Цяньгу: Гу (кит. 骨) означает «кость».

Последние два месяца после возвращения во Дворец Бесчувствия Хуа Цяньгу вечно отвлекалась, за какое бы дело ни бралась. И пусть она постепенно оправлялась от ран, но уровень ее совершенствования ухудшался день за днем. Причина, по которой девушка прежде могла так стремительно повышать духовную силу и стала выдающимся талантом среди нового поколения учеников, заключалась в том, что сердце ее было чище и спокойнее, чем у любого другого человека. Теперь же она утратила безмятежность, а мысли ее приходили в смятение от всяких мелочей. Если не разобраться в себе, камень на сердце станет только тяжелее.

Покусывая палочки для еды, Цяньгу потупила взгляд и сказала:

— Наставник, я пребываю в замешательстве, но, как бы ни пыталась, не могу разобраться.

— Храни в сердце покой. В смятении не найдешь понимания. Во многих вещах чем больше пытаешься разобраться, тем в большее замешательство приходишь. Как только в сердце появляется одержимость, она становится словно клубок ниток: чем больше тянешь, тем сильнее запутывается.

— Но, наставник, а если предвидишь, что произойдет нечто плохое? Как быть в таком случае?

— Чем сильнее стараешься чего-то избежать, тем вероятнее это случится. Пусть все идет своим чередом. Воспринимай происходящее таким, какое оно есть. В этом и заключается суть существования. — Утешая ее словами, напоминавшими речи совершенномудрого, Бай Цзыхуа погладил девушку по голове.

После долгих размышлений на лице Хуа Цяньгу наконец появилась улыбка. Она взяла в руки миску и в два счета проглотила еду.

Девушка не до конца понимала смысл сказанных тогда Ся Цзысюнь слов, но и считать, что она совсем их не поняла, тоже нельзя. Все-таки за шестнадцать-семнадцать лет она слышала и читала немало любовных историй. Но знать и понимать, так или иначе, вещи разные. Она знала, что Ни Маньтянь влюблена в Ло Шии, а Цин Шуй нравится Сюаньюань Лан. Однако сама не могла понять и не представляла себе, что такое любовь.

Но в тот момент, когда девушка осознала чувства сестрицы Ся Цзысюнь к наставнику, сердце наполнилось горькой печалью и чувством отчаяния, которое почти душило ее.

Почему? Способна ли она понять эту любовь?

Сестрица сказала ей не любить наставника, но она же его любит! Во всех мирах, кроме отца, матери и Тан Бао, больше всего Хуа Цяньгу любила именно наставника. Она готова выполнить любую его просьбу. Жизнь и все, что у нее есть, принадлежат ему.

В этом вовсе нет ничего неправильного, да и она ни о чем не просит. Лишь бы, как и сейчас, каждое утро и каждый день неотлучно следовать за ним.

Наставник сказал: «Пусть все идет своим чередом». Наверное, это он и имел в виду.

В таком случае незачем размышлять о прочих вещах — нужно просто быть подле наставника и никогда с ним не разлучаться.

Ранним утром на дереве защелкала сорока. Радостное событие! Произойдет что-то хорошее!

— Наставник, вы искали меня?

Бай Цзыхуа кивнул:

— Через несколько дней состоится пир совершенствующихся. Ты пойдешь со мной.

— Правда? — Хуа Цяньгу подпрыгнула чуть ли не на три чи¹.

— В прошлый раз, в битве на горе Тайбай, ты хорошо справилась. Императрица настоятельно просила меня взять тебя с собой, а еще специально передала тебе приглашение.

Бай Цзыхуа передал девушке отливающий золотом свиток, своим сиянием ослепляющий глаза. Приподняв веки, она увидела начертанные на свитке слова: «Глава школы Маошань, Хуа Цяньгу».

Переполняемая радостью девушка спросила:

— А я могу взять с собой Тан Бао?

Бай Цзыхуа кивнул. Все-таки они вдвоем всюду ходили вместе и никогда не разлучались.

— Пусть мы и победили в битве на горе Тайбай, но тебе заметно не хватает опыта в ведении разных дел. После пира совершенствующихся мы с тобой отправимся в путешествие по миру людей и хорошенько попрактикуемся.

Бай Цзыхуа думал, что тревога в сердце ученицы зародилась не иначе как от недостатка жизненного опыта и узости кругозора.

Чистота человека несведущего слишком проста и слаба в сравнении с ясностью сознания испытавшего лишения и постигшего суть вещей. Хуа Цяньгу переживает переломный момент в совершенствовании. Если не разрешить тревогу сердца, чрезвычайно лег-

¹ Чи (кит. 尺) — мера длины, равная примерно 33,33 см. (Далее древнекитайские меры длины и веса см. на стр. 565.)

ко ступить на демонический путь. Возможно, очутившись среди людей, она сможет вернуться к истинному сознанию, когда видишь вещи такими, какие они есть.

Девушка взволнованно потрясла наставника за рукав и по-детски кокетливо произнесла:

— Наставник, вы такой замечательный!

Бай Цзыхуа потрепал ее по голове:

— Ступай, собирай вещи. Заодно попрощаешься с Цин Шуй и остальными своими друзьями. В этот раз мы, возможно, пробудем в отлучке большую часть года.

— Но если не вы, кто тогда будет отвечать за дела школы?

— Не волнуйся. Всем будет распоряжаться твой дядюшка-наставник. Если произойдет что-то важное, он сообщит мне.

— Хорошо! — Хуа Цяньгу как ветром сдуло.

Услышав новость, все очень обрадовались. Один лишь Ло Шии ходил мрачнее тучи. Он все правильно расслышал? Почти год не видется с Тан Бао? Как же ему тогда жить? Стоило Ло Шии взглянуть на восторженное выражение мордочки гусеницы, как сердце его попросту разбилось вдребезги.

«Тан Бао, как ты можешь...»

Вновь возвращаясь на гору Куньлунь, Хуа Цяньгу испытывала небывалое волнение. В этот раз она больше не та одинокая и беззащитная девчонка, что тайком пробралась сюда, обратившись гусеницей. Теперь она пришла открыто и честно в статусе главы одной из школ. Больше ни к чему плыть на облаке вместе с Бай Цзыхуа, ведь она может лететь самостоя-

тельно, управляя мечом. А от одной мысли о разных яствах и персиках бессмертия на пире у нее с Тан Бао слюнки потекли.

Впервые Хуа Цяньгу выходила за пределы школы вместе с наставником. Сердце ее бешено колотилось от волнения и переполняющих эмоций. Всю дорогу девушка громко и без умолку болтала.

Хоть они и летели на мечах, но подстраивались под скорость Хуа Цяньгу и несколько раз останавливались на отдых, так что прибыли на место только спустя день.

Когда путники добрались до Нефритового пруда¹, пир уже начался.

В розовой персиковой роще кружилась в воздухе чудесная музыка. Совершенствующиеся распивали вино и пели песни.

Раздался голос:

— Прибыл верховный совершенствующийся горы Чанлю!

И снова:

— Прибыла глава школы Маошань!

На площадке тут же воцарилась тишина. Все присутствующие обратили взоры на прибывших.

На землю опустился все такой же отрешенный от мирской суеты одинокий мужчина в белых одеждах, а позади него шла та самая похожая на мальчика девчушка, что много лет назад вторглась на территорию Нефритового пруда, одетая в лохмотья.

С повязанными на голове двумя кругленькими пучками и в простенькой белой шифоновой юбоч-

¹ Нефритовый пруд (кит. 瑶池) — место обитания богини Си-ванму, хранительницы персикового дерева, плоды которого даруют бессмертие.

ке, Хуа Цяньгу по-прежнему выглядела как ребенок, словно и не повзрослела вовсе. У нее были черные, будто написанные мазками кисти, брови, глаза как звезды и блестящая, подобно жемчугу, кожа, а круглые и гладкие щеки, румяные и нежные, словно цветы, алели, как яблоки, и вызывали желание ущипнуть за них.

Почувствовав на себе пристальные взгляды толпы, девушка занервничала и вцепилась в длинный рукав одеяния Бай Цыхуа.

Так и шли наставник и ученица: один — впереди, другая — следом. Один — отрешенный от мирской суеты, незаурядный мужчина, другая — прелестная в своей очаровательной наивности девчушка. Поистине живописная картина среди порхающих в воздухе розовых персиковых лепестков. Все присутствующие застыли в изумлении.

В этот момент раздался грубый, злобный, подобный громовым раскатам голос:

— Проклятый Бай Цыхуа! До чего же досадно!

Голос этот показался Хуа Цяньгу довольно знакомым. Девушка еще толком не успела сообразить, что произошло, как перед ней возник белокурый рослый мужчина с золотистыми бакенбардами и уставился на нее огромными, подобно круглым медным колокольчикам, глазами.

От испуга она отступила на несколько шагов, но, присмотревшись, с приятным удивлением обнаружила, что этот мужчина — наставник брата Лана, Ло Хэдун.

Ло Хэдун раскрыл здоровенную пасть, расхохотался ей в лицо, протянул свою загорелую, огрубевшую руку и ущипнул Цяньгу за личико.

— Вот негодница! Какая же ты нежная и хорошенькая, оказывается.

Девушка, не зная, то ли смеяться ей, то ли плакать, позволила ему мять свои щечки, словно комочки теста.

Бай Цзыхуа молча встал перед ученицей.

— Бессмертный Хэдун, давно не виделись.

Рассерженный Ло Хэдун убрал руку и, фыркнув, произнес:

— Сколько лет, сколько зим. Послушай, старина Бай, какой же ты везунчик. Совершенно очевидно, что ученика я отправлял даосу Цин Сюю. Как же она вдруг с тобой оказалась? Проклятие! Как же я сожалею! Знал бы раньше, взял бы ученицу себе! В таком случае возвращение стольких артефактов не имело бы к тебе никакого отношения! Я так давно мечтал о Тушечнице Невозврата. Будь она у меня, отправился бы куда пожелаю. Запросто бы подглядывал за девами, принимающими ванну. Давай поступим так. Одолжи мне ее ненадолго, я попробую.

Только Ло Хэдун договорил, как тут же вскрикнул от боли и достал вонзившуюся в ягодицу вишенку.

«Проклятие! Юнь Сань! — выругался про себя Ло Хэдун. — Знал же, что не следовало соглашаться на участие в этом дурацком пире совершенствующихся! Перед императорской четой эта мегера только и может, что плести интриги за спиной. На большее не осмеливается. Но, как только пир закончится, меня же на куски порвут!»

Ло Хэдун негодующе закинул вишенку в рот и разом проглотил ее, не разжевывая. Все присутствующие вытаращили глаза от удивления.

«В вишне мякоть, в заднице тоже! Чего зря добру пропадать?»

Бай Цзыхуа лишь слегка откашлялся, уже давно научившись сквозь пальцы смотреть на его выходки.

Ло Хэдун со вздохом сказал:

— А я с самого начала знал, что Хуа Цяньгу — девчонка, просто с дурной судьбой. Однако потом ты вдруг стала главой школы Маошань, да еще и заставила старину Бая впервые в жизни ученика принять. Вот уж никак не ожидал! Все-таки ученицы куда очаровательнее, такие прелестные, понимающие и послушные. Другое дело — мой пострел, вечно нос задирает, ни на что не годится и все время мне противится! Старина Бай, как же я тебе завидую! — С этими словами он развернулся и взревел:

— Проклятый мальчишка! Выходи давай! Не ты ли днями и ночами о сестрице думал? Сам же, чтобы с ней встретиться, обманом заставил меня взять тебя с собой на пир. Иначе я бы сюда и ногой не ступил!

Услышав это, Хуа Цяньгу обрадовалась, подняла голову и посмотрела вдаль — и правда, братец Сюаньюань Лан!

Пусть юноша принимал участие в пире в качестве ученика Ло Хэдуна, однако все же обладал особым положением, поэтому и за столом занимал почетное место.

Сейчас Сюаньюань Лан был облачен в пурпурные одежды с высоким воротником и поясом из белого нефрита. Он напоминал бессмертного, проживавшего в уединении на высокой горе. С момента их прошлой встречи в его благородном облике появилась некоторая отрешенность.

Издалека взглянув на Хуа Цяньгу, юноша ласково улыбнулся, при этом не теряя достоинства правителя.

Вслед за Бай Цзыхуа девушка заняла за столом место подле Сюаньюань Лана. Как и в тот день, начинался пир совершенствующихся, и цветы персика были точно такие же. Тем не менее все вокруг казалось совершенно иным.

Не обошлось без некоторых церемоний, слов похвалы со стороны императорской четы, а также обмена приветствиями с другими совершенствующимися. Судя по всему, каждого из присутствующих весьма удивил тот факт, что Бай Цзыхуа взял Хуа Цяньгу в ученицы.

Наставник не был ценителем всякого рода любезностей, говорил очень мало и, лишь слегка кивнув в знак приветствия, проходил мимо. Хуа Цяньгу же сидела и, заменяя вино зеленым чаем, пила одну чашку за другой.

Пир совершенствующихся имел насыщенную программу. Порой гости начинали расходиться лишь спустя пять дней. Празднование, на котором в прошлый раз присутствовала девушка, оказалось самым коротким — полдня не прошло, как все в гневе разошлось. В этот раз сложилась иная ситуация. Большинство божественных артефактов вернули, у всех на душе поубавилось беспокойства, поэтому на пире то и дело раздавались смех и радостные голоса.

Наблюдая за происходящим, Хуа Цяньгу поначалу чувствовала радость и удивление, но вскоре полностью сосредоточилась на поглощении пищи, ведя с Тан Бао ожесточенное сражение за каждый кусочек. Сидевший слева от девушки Сюаньюань Лан с трепетной улыбкой глядел на то, как жадно она набрасывается на еду, и время от времени говорил ей

несколько слов, которые подобно нежному свежему ветерку ложились девушке на сердце.

Тан Бао, пропуская мимо ушей происходящее вокруг, только и знала, что проделывала отверстия в персиках бессмертия. В прошлый раз она очень расстроилась из-за того, что не удалось отведать фруктов, поэтому на этом пиру гусеничка с самого начала изо всех сил уплетала их, прогрызая дырки в разных местах. Вскоре она смело подчистую большую часть персиков, лежавших на столе.

Хуа Цяньгу повернулась и посмотрела на Бай Цзыхуа. Тот как раз попивал вино и вел непринужденную беседу с Ло Хэдуном, высшим бессмертным Дун Хуа и другими совершенствующимися, сохраняя при этом привычно невозмутимое и холодное выражение лица. Запрокинув голову, девушка взглянула на раскинувшуюся крону персикового дерева и вспомнила о том, как однажды свалилась с него. Внезапно она заметила, как один из кружащихся в воздухе лепестков упал в чарку наставника. Сердце Хуа Цяньгу дрогнуло. Она ухватила за рукав мужчины, уже собиравшегося залпом опустошить чарку.

Бай Цзыхуа замер и, опустив голову, взглянул на ученицу, не сводившую с него влюбленного взгляда.

— Сяо-Гу?

Девушка остолбенела, потом вдруг опомнилась и, улыбнувшись, с детской непосредственностью сказала:

— Наставник, дайте и мне попробовать!

Бай Цзыхуа взглянул на чарку с вином в своей руке.

— Ты же вроде не умеешь пить.

— Не страшно. Только один глоточек. Не опьянею.

Бессмертный кивнул и уже собирался налить Хуа Цяньгу вино, но та ловким движением схватила его чарку и отхлебнула из нее.

— Сяо-Гу...

Закружилась голова...

Щеки Хуа Цяньгу вмиг покраснели, словно раскрывшиеся цветы персика. Ударивший в голову хмель затуманил рассудок. Осталось лишь чувство дурманящей радости и удовлетворения. Розовый лепесток, только что упавший в вино, прилип к губам девушки. Она легонько слизала его, вытянув нежный язычок. Цяньгу смотрела на Бай Цыхуа с влюбленной улыбкой, а внутри нее клокотала буря эмоций.

Бессмертный поспешил отвести взгляд. Вокруг воцарилась полная тишина. Но в следующее мгновение все вернулось на свои места.

— Сяо-Гу, все хорошо? — Бай Цыхуа держал на руках обмякшее и обессиленное тело девушки.

Хуа Цяньгу слегка оперлась на его плечо. Благоухание цветов, аромат вина и запах наставника притягивали ее, погружая в сладкие грезы. Девушке вдруг захотелось вот так уснуть в его объятиях и никогда не пробуждаться.

Однако голос в голове постоянно твердил ей: «Не пьяней, не глупи, отпусти страстные желания, не теряй рассудок! Тебе здесь не место. Ты не сможешь вынести последствий!»

Хуа Цяньгу через силу поднялась и, глупо хихикая, сказала:

— Все хорошо, наставник. На самом деле я умею пить. Просто сейчас... мне нужно в уборную! Ха-ха-ха-ха! — С этими словами она развернулась и нетвердой походкой вышла из-за стола.